

ЧУВСТВА И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Е. П. Мартынова

ЧЕМУ УДИВЛЯЮТСЯ НА СЕВЕРЕ?*

АННОТАЦИЯ. Статья написана на основе полевых материалов автора, собранных в экспедициях в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах за период 1990–2012 гг. Наблюдения за информантами показали, что ненцы, ханты и манси, традиционная культура и воспитание которых не позволяют им открыто и бурно демонстрировать чувства, чаще всего выражают эмоцию удивления, возникающую при встрече с чем-то необычным и неожиданным. В реакциях северных аборигенов на что-либо особенное, непривычное автор различает удивление-любопытство и удивление-страх. Удивительно любопытными им кажутся обычаи, традиции, привычки, характерные для «иных» культур. Такая эмоция, как удивление-страх, чаще всего возникает при столкновении с последствиями бурного промышленного освоения региона. Автор считает, что кратковременная эмоция удивления — реакция на неожиданное и непривычное — служит для коренных народов Севера своеобразным побудительным механизмом к восприятию нового и подталкивает к активному приспособлению многих новаций современного общества к своей жизни. Кочевники, рыболовы и охотники смогут преодолеть страхи и тревоги, а также удивить индустриального человека совершением новых открытий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аборигены Севера, эмоции, удивление, нефтегазовое освоение, опасения и страхи, восприятие нового

УДК 159.942:39(=1.17-81)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-7-11

МАРТЫНОВА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА — д.и.н., профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Россия, Тула)

E-mail: ep_martynova@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски» (рук. Е. А. Пивнева).

Исследование эмоций хотя и новое, но важное для антропологов направление, поскольку на первый план сегодня выдвигается изучение процессов социальных изменений, а эмоции играют немаловажную роль в развитии этих изменений. В основу статьи легли материалы автора, полученные во время экспедиций в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа в 1990–2012 гг.

Распространено мнение, что северные народы, сдержанные по своему темпераменту, открыто и тем более бурно не выражают чувства, а хранят их в себе. За долгие годы общения я неоднократно имела возможность убедиться в этом. В какой-то степени такое поведение можно объяснить тем, что основной формой регламентации нравственной жизни у них были запреты, а положительные предписания вытекали из поведения людей по принципу «делай как я» (Лапина 1998: 18). Наблюдения за информантами в ходе полевой работы показывают, что чаще всего ненцы, ханты манси открыто выражают чувство удивления, возникающее при соприкосновении с непривычным или неожиданным. Психологи отмечают, что удивление — это эмоция, которая мало поддается контролю, она быстро возникает и относительно коротка по времени (Изард 2006; Экман 2010). Реакции северных народов на необычное можно классифицировать как удивление-любопытство и удивление-страх.

УДИВЛЕНИЕ-ЛЮБОПЫТСТВО

В 1991 г. я вместе с Е. Г. Федоровой проводила исследования среди сосьвинских манси в Березовском районе ХМАО. Запомнился разговор с пожилой мансийкой, в ходе которого я открыла для себя, что многие совершенно обыденные для нас явления могут поразить сознание коренных северян. В поселке Кимкьясуй Березовского района мы жили в доме у Дарьи Дмитриевны Таратовой. Естественно, что разговоры на самые разные темы велись ежедневно, причем не только мы расспрашивали про мансийское житье-бытье, но и она интересовалась жизнью в городе. Однажды хозяйка спросила, бывали ли мы на Украине. После утвердительного ответа попросила нас рассказать об этом крае. Мы говорили про жаркое лето, подсолнуховые поля, старались отметить наиболее существенные, с нашей точки зрения, особенности Украины. Но хозяйку интересовало другое. Дочь Дарьи Дмитриевны была замужем за украинцем. Когда сваты приезжали в гости в Березов, рассказали, что на Украине летом бывают темные ночи. «Это правда?» — спросила нас хозяйка. Мы подтвердили. «Это же надо! — воскликнула Дарья Дмитриевна. — Летом ночи черные, как зимой! Страшно-то как! Я туда никогда не поеду!» Думаю, Дарья Дмитриевна поверила нам, когда мы сказали, что не только на Украине летом бывают темные ночи. Впоследствии я не раз сталкивалась с изумлением информантов по поводу такого невиданного в высоких широтах явления.

Удивление у коренных северян вызывает и другой образ жизни. Так, ненцы-оленоводы из Тазовского района ЯНАО проявляют интерес к культуре и обычаям мигрантов. За последние десятилетия состав жителей районного центра — поселка Тазовский — стал интернациональным за счет приезжающих на Север представителей народов Кавказа и Центральной Азии. Кочевники, постоянно проживающие в тундре, знают об этом, хотя посещают райцентр только два раза в году (в ноябре и апреле, когда оленеводы обычно сдают мясо, закупают продукты, проходят медосмотр). Для оленеводов эта категория людей другая — иная, непонятная. Мои информанты высказывали удивление, что выходцы из Центральной Азии теснятся в снятых комнатах: «Гаджики все вместе живут. Много-много народу в одной маленькой комнате. Спят вповалку». Хотя живущие в чумах ненцы не могут похвастаться просторностью своего жилища и не имеют мебели, их удивил образ жизни приезжих. Еще большее удивление вызывали обычаи мигрантов. «Кавказцы купили в совхозе оленя. Им было нужно для их обряда. Так они прямо на глазах у ненцев перерезали ему горло.

Так нормальные люди не делают. Ужас — столько крови много было, долго текла. Люди стали возмущаться. А им хоть бы что. Им не жалко животных, они же мучаются, когда им горло перерезают». Не берусь судить, какой из способов забоя животных менее мучителен: ненецкий — удушье или кавказский — резание. Ясно было, что иные традиции вызвали эмоции, которые породили интерес и много вопросов. Помню, как после этого описанного случая мне пришлось отвечать в чуме на многочисленные вопросы о культуре и быте народов Центральной Азии.

Удивительными для ненцев могут быть не только традиции других, далеких, народов, но и особенности соседей. В Тазовской тундре мне много рассказывали о гыданцах. Нужно отметить, что в мировосприятии ненцев обширные пространства северных тундр имеют свои границы. В сознании населения укоренились представления о распределении земель по бывшим сельским советам, а сейчас по границам поселений: поселок Находка — Находкинская тундра, а ее обитатели — «находкинцы»; поселок Гыда — Гыданская тундра, населенная гыданцами. Оленеводы Находкинской тундры выражали удивление по поводу образа жизни в более северной Гыданской. «Они зимой дрова из-под снега копают — увидят, что кустик из-под снега торчит, начинают копать. Печку они почти не топят, так как дров мало. Чай приготовят и все, не варят больше ничего». У них даже олени другие: «Гыданские олени везде едят, даже там, где растоптано. Мои, где растоптано, есть не будут». Отличие со «своими» ненцами проявляется и в том, что у «гыданских семьи большие. У них детей помногу. Из-за этого им уже земли не хватает, они к нам идут».

УДИВЛЕНИЕ-СТРАХ

Новое, непривычное вызывает у аборигенов Севера эмоцию удивления, параллельно с которой проявляется страх. С удивлением-страхом приходилось сталкиваться в тундре у оленеводов-ненцев в условиях бурной газодобычи в регионе. В ходе проведения этнологических экспертиз по изучению влияния промышленного развития на жизнедеятельность коренного населения мы наблюдали, как информанты часто высказывали опасения и тревоги. По мнению оленеводов, от вахтовиков исходит потенциальная и реальная угроза природе. Они считают, что самая большая проблема в ближайшем будущем — нехватка пастбищ, которые отторгаются под промышленные нужды. «Пастбищ не будет — оленей негде пасти. Их придется забивать. А не будет оленей — люди работу потеряют. Плохо будет». Следует признать, что традиционное природопользование северных народов трудно совместимо с освоением нефтегазовых ресурсов. Эти два типа хозяйственной деятельности легко сосуществуют на сопредельных территориях, но не могут ужиться на одной и той же. И сами оленеводы, и руководители оленеводческих хозяйств, и общественные деятели признают, что проблема земли является ключевой для коренных малочисленных народов Севера. Прежде всего это связано с тем, что для аборигенов, живущих за счет оленеводства, рыболовства, охоты, земля — это основа самобытной культуры жизнеобеспечения. Они болезненно воспринимают любое вторжение на их земли. Именно соперничество в сфере землепользования лежит в основе негативной оценки аборигенами представителей ТЭК и вызывает у них не только обеспокоенность, но и страх за будущее.

Ненцы считают, что стало меньше рыбы, исчезли дикие олени, потому что по тундре проложены многочисленные трубопроводы и дороги, стоят буровые. Единственный позитивный сдвиг, который оленеводы связывают с бурением в тундре, — исчезновение волков. «Из-за шума, который часто бывает на буровых станциях, волков не стало, они ушли». Причем о таком факте говорят скорее негативно: предприятия ТЭК настолько загрязнили природу, что даже волки не выдержали.

Среди вахтовых рабочих немало любителей охоты и рыболовства, которые занимаются браконьерством, что также воспринимается жителями тундры как угроза остаться без добычи.

Большой ущерб «буровики» наносят пастбищам. К сожалению, нередки случаи утечки разного рода химреагентов на буровых станциях. Такие ситуации вызывают у оленеводов обеспокоенность. Многие химикаты имеют соленый вкус, который нравится оленям: «Олени бегут на соленое. Лижут ягель с химией, а потом болеют и умирают. У важенок потом слабые олениата рождаются, а слабого теленка могут собаки или комары заесть, он погибнет... Однажды на буровой олени наелись и отравились. Погибли 8 совхозных голов и 6 личных». Оленеводы вынуждены менять маршруты перекочевков, места стоянок. «Мы стараемся подальше от буровых держаться... Мы не каслаем туда, где буровые, так как олени туда побегут и наедятся всякой химии. Потом погибнут». Помимо беды от химического загрязнения, из-за некачественной рекультивации почвы по тундре начинает распространяться песок, сокращаются ягельники. «После газовиков остаются песчаные карьеры. Песок по тундре разлетается. Олени едят ягель с песком, у них от этого зубы портятся, а потом желудок. И олени гибнут».

Многие оленеводы говорят, что от газодобычи исходит угроза традиционному образу жизни в тундре. Они боятся перспективы переселения в поселок, так как там не будет привычной работы, а другой профессии у них нет. «Если всех в поселок перевести? — Плохо это, работы там нет. Как жить?», «Мы в поселке не сможем, тундра — наш дом».

Однако страхи и опасения несколько не мешают северным народам довольно быстро адаптироваться к вызовам современности. Наблюдения показывают, что коренные северяне, удивляясь многим новым и непривычным вещам, обладают способностью их быстро осваивать и использовать. Так, «дикивинные» еще в начале 2000-х гг. импортные снегоходы и лодочные моторы уже давно стали обычным явлением в тайге и тундре. Современную жизнь северных аборигенов невозможно представить без бытовой техники, в частности сотовых и спутниковых телефонов, портативных бензиновых электростанций, телевизоров, DVD-проигрывателей и др. Причем освоено и включено в повседневный быт все это было за рекордно короткий период времени — 10–15 лет. Сторонних наблюдателей поражает, как ненцы-олениеводы догадались приспособить традиционный хорей для отправки SMS-сообщений в условиях плохой проходимости сигналов. В Интернете можно увидеть немало фотографий, на которых к верхушке хорей прикрепляют мобильник и поднимают вверх — связь поймана, сообщение отправлено. Ответ получают таким же способом. Вспоминается, что в 1990-е гг. приглашение сфотографироваться, а потом сразу увидеть изображение в видеоискателе вызывало у информантов удивление-интерес. Теперь они сами охотно показывают многие интересующие этнографов снимки в своих аппаратах.

Удивительно быстро изменилась и традиционная материальная культура оленеводов. Еще в начале 2000-х гг. в чумах практически не было покупных вещей, сейчас используются покупная одежда, посуда и другие предметы быта. За короткое время тундра оказалась «затоваренной» пластиковыми упаковками из-под купленных вещей. Оленеводы начали использовать пластмассу для изготовления оленьей упряжи, поскольку это доступный и легкий не только по весу, но и в обработке материал. Также стремительно аборигены включились в рыночные отношения. Об их успехах в адаптации к рыночной стихии мне уже приходилось писать (Мартынова 2014; 2015).

Нужно согласиться с мнением психологов о том, что «удивление может рассматриваться как механизм изменения социальной информации, хранящейся в прототипах, схемах и скриптах» (Кутковой 2013: 50). Думается, аборигены Севера подтверждают этот тезис. Кратковременная реакция удивления на неожиданное и непривычное служит для них своеобразным побудительным

механизмом к восприятию нового и активному приспособлению многих новаций современного общества к своей жизни. Убедена, что кочевники, рыболовы и охотники сегодняшние страхи и тревоги, вызванные активным вторжением на Север добывающей промышленности, смогут преодолеть и удивить индустриального человека новыми открытиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 1990. Березовский район, Ханты-Мансийский автономный округ.
ПМА 2011; 2012. Тазовский район, Ямало-Ненецкий автономный округ.
Изард К. Психология эмоций. СПб., 2006.
Кутковой Н. А. Удивление как предмет социально-психологического исследования // Национальный психологический журнал. 2013. № 3 (11). С. 47–53.
Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск, 1998.
Мартынова Е. П. Представления о богатстве у ненцев Ямала // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой). СПб., 2014. С. 161–170.
Мартынова Е. П. Ямальские ненцы и индустриальное развитие: новации в оленеводстве и рыболовстве // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 90–97.
Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб., 2010.

WHAT ARE PEOPLE IN THE NORTH ASTONISHED AT?

ABSTRACT. The article is based on the author's field materials collected during her expeditions in Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Districts between 1990 and 2012. The author's observations of her Nenets, Khanty and Mansi informants showed that, despite their traditional culture and education not allowing them to demonstrate their feelings openly and intensely, they tend to frequently express the emotion of astonishment. It occurs when they encounter something unusual or unexpected. The author distinguishes between two types of astonishment in the reactions of the indigenous peoples of the North — those associated with curiosity and fear. Traditions, customs and mores of "other" cultures are usually perceived with curiosity. Meanwhile fear often occurs when the informants face the consequences of the intensive industrial development of the region. The author believes that the short-term emotion of astonishment as a reaction to the unexpected and unusual serves an incentive mechanism for the perception of the new and thus contributes to the adaptation of many innovations of the modern society into the lives of the indigenous peoples of the North. Nomads, fishermen and hunters appear to be able to overcome their fears and anxieties, as well as to surprise an industrial man with innovations of their own.

KEYWORDS: ingenious people of the North, emotions, astonishment, oil and gas development, concerns and fears, perception of the new phenomena

ELENA P. MARTYNOVA — Doctor of Historical Sciences, Tula State Pedagogical University (Russia, Tula)

E-mail: ep_martynova@mail.ru